

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

170228_0388 – (Технический файл.)

170228_0389

[00:02:09] (Начало записи)

Иван Ушачев: Уважаемые коллеги, я думаю, что в этой аудитории собрались самые большие патриоты сельского хозяйства нашей страны. И если на пленарном заседании говорили, что экономика должна быть только для человека, то мне кажется, аграрная экономика – это вообще для всех, и прежде всего для нашего человека.

Из докладов вы знаете, что в нашей стране на разных площадках разрабатывается документ завтрашнего дня стратегии развития нашей страны. Насколько нам удалось ознакомиться с уже существующими стратегиями и теми, которые еще в разработке, то к огромному сожалению, раздел сельского хозяйства как всегда занимает немного страниц, и проблемы агропромышленного комплекса обозначены в общих чертах. И настоящей базы в этих общих стратегиях, от которой можно было бы нам оттолкнуться, и подготовить свою стратегию устойчивого социально-экономического развития агропромышленного комплекса, практически нет. Ученые нашего института и наши коллеги постарались сделать такие основные направления стратегического развития нашей отрасли в общих чертах. Мы раздали материал, где изложены наши соображения по этой проблеме, и рассчитываем на то, что вы нам поможете в подготовке этой стратегии. Все авторские права будут соблюдены. Хотелось бы, чтобы наши сегодняшние выступления носили действительно больше завтрашний характер, нежели только анализ текущего состояния.

[00:04:57]

Этот доклад будет сделан на Президиуме Российской академии наук с соответствующими содокладчиками в количестве пяти человек, начиная от Глазьева и кончая региональной аграрной политики (Новосибирск будет выступать). Это будет еще одна апробация наших соображений по этому важнейшему документу.

Так как у нас мало времени, я постараюсь кратко зачитать содержание того доклада, что вам роздан. Затем мы пойдем по программе со своим модератором, соведущим. Я надуюсь, вы прекрасно знаете этого человека, его знает вся страна. Спасибо, Игорь Борисович, что ты дал согласие быть модератором. Если бы все были такими фанатами и помешанными на сельском хозяйстве, как этот человек, наверное, у нас были бы совершенно другие успехи. Его заслуга состоит еще и в том, что именно он организовал пока единственную в стране телепередачу на общественном телевидении. Я думаю, что ты будешь приглашать и участников данной конференции, с которыми уже поближе познакомишься, потому что здесь присутствуют и ученые, и специалисты-производители, бизнес. Сведущим будет у нас Игорь Борисович Абакумов.

(Технический разговор.)(00:06:52-00:08:02)

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Как известно, в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании» в Российской Федерации предстоит разработка комплекса стратегических и отраслевых документов, в том числе в аграрной сфере экономики страны. В настоящее время идет подготовка нескольких вариантов общероссийской стратегии, однако в них лишь в общих чертах представлены проблемы функционирования аграрного сектора. В качестве предпосылки позвольте дать краткую оценку происходящим процессам и состоянию аграрного сектора в нашей стране.

В качестве основных положительных тенденций, позвольте выдвинуть пока две. Первая – это относительно высокий темп роста в среднем за последние пять лет продукции сельского хозяйства. Этот темп составил 2,3 %, по отношению к индексу промышленного производства – 0,6 %, и ВВП страны – 0,5 %. Вторая положительная тенденция – это рост экспорта сельхозпродукции до 17 миллиардов долларов США, и снижение ее импорта за последние пять лет до 25 миллиардов долларов или более чем в 1,7 раза. В результате произошло повышение уровня продовольственной безопасности страны. Это стало возможным за счет увеличения валового сбора зерна – более 120 миллионов тонн, сахарной свеклы – более 51 миллиона тонн, прироста производства скота и птицы по сравнению с 2015 годом на 3,4 %.

[00:09:57]

Одновременно отмечаются негативные процессы, вызванные сочетанием накопленных за предыдущие годы отраслевых проблем и дисбалансов с ухудшением макроэкономической ситуации.

Одним из основных сдерживающих факторов развития отрасли является инвестиционная недостаточность. Инвестиции в нашу отрасль чаще падают, чем растут, в результате они сегодня ниже, чем в 2007 году. Эту неустойчивую динамику наглядно показывают последние годы. В 2014-2015 годах падение инвестиций в АПК составило 16,5 %, что значительно выше, чем по экономике в целом. Несмотря на всплеск инвестиций в прошлом году (110,6 %), он не компенсировал падение предыдущих двух лет.

Выбытие техники в полтора-два раза превышает ее приобретение. Сохраняется неоправданно высокая зависимость отрасли от зарубежной техники и технологии. Доля импортной техники в общем количестве сельхозтехники в 2016 году составила по тракторам 67,8 %, по оборудованию для животноводства – 90 %. Лишь 2 % оборудования для пищевой промышленности производится в России. Это не позволяет в полной мере говорить о продовольственной безопасности с точки зрения технико-технологического потенциала.

Ухудшается состояние сельхозугодий. Являясь крупнейшим экспортером минеральных удобрений в мире, их внесение в России в расчете на один гектар площади посевов составило в прошлом году 50 килограмм в действующем веществе, или в четыре-пять раз меньше, чем в Западной Европе. Несмотря на некоторые улучшения экономических

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

показателей и средней рентабельности, в 2016 году она по стране составила 17 % с учетом субсидий. Почти 70 % сельхозорганизаций низкорентабельные или убыточные.

Стагнирует социальная сфера села. При доле его жителей в общей численности населения страны в размере 26 %, в сельских поселениях проживает 34 % безработных и 39 % малоимущих. В результате так называемой оптимизации существенно вырос радиус доступности для сельских жителей школ, детских садов, больниц и других объектов социальной сферы. Такое положение стало возможным в результате того, что вложений в социальную сферу села катастрофически недостаточно. На 2020 год они прогнозируются по последнему варианту госпрограммы на всю сельскую часть страны в объеме лишь 16,1 миллиардов рублей, что примерно в два раза меньше, чем расходуется в Москве на обновление тротуаров.

Исходя из оценки состояния отрасли и сельских территорий, в стратегии в качестве основных целей на долгосрочную перспективу предполагается, во-первых, накормить своих граждан и обеспечить продовольственную независимость государства, а на втором этапе реализации стратегии стать одним из лидеров на мировом рынке продовольствия. Во-вторых, наконец преодолеть вековой разрыв между уровнем жизни городского и сельского населения, обеспечить достойную и комфортную жизнь на селе. Кстати, наши основные партии тоже в качестве своей программы обозначают примерно подобные цели. Эти цели декларировались и ранее, однако в прогнозном периоде необходимо перейти к их практической реализации.

Основными стратегическими направлениями, на наш взгляд, предполагается следующее:

- научно-техническая и технологическая политика в АПК во взаимосвязи с научно-исследовательской сферой и образованием;
- развитие социальной сферой села;
- коренное изменение в системе земельных отношений;
- размещение и специализация агропромышленного производства;
- совершенствование экономических отношений;
- развитие внешней экономической деятельности;
- экологизация производства и адаптация к изменениям климата.

[00:14:48]

В сфере достижения научно-технологического прогресса мы не должны оставаться догоняющей страной. Нам предстоит перейти к опережающим темпам разработки освоения новаций по основным направлениям развития агропромышленного комплекса страны.

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Существует прямая связь между освоением достижений научно-технического прогресса и системой подготовки специалистов и научных кадров АПК. Сегодня на подготовку одного студента в аграрном вузе выделяется финансирование в два раза меньше, чем в вузах других отраслей. Не понятно почему. Аналогичная ситуация и с подготовкой научных кадров. Если пять лет тому назад нашему институту выделялось 10 бюджетных мест для подготовки аспирантов, то сейчас только одно место.

Второе стратегическое направление, связанное с социальным развитием сельских территорий. Несмотря на то, что в этой сфере реализуется соответствующая стратегия и федеральная целевая программа, объемы их ресурсного обеспечения таковы, что уже очевиден разрыв между заявленными целями и достигнутым фактическим результатом. Есть позиция отдельных ученых, что необходимо концентрировать отрасль нашу в ограниченных благоприятных зонах, следовательно, преимуществом них развивать социальную сферу. Другая позиция, которую мы поддерживаем и обосновываем, связана с максимально возможным использованием богатейшего земельного фонда страны для производства сельхозпродукции и сельского расселения. Если мы не будем работать и жить на своих угодьях, то когда население мира достигнет 9 миллиардов человек, это сделают народы других стран, а проблема расселения перейдет из категории экономической в политическую.

Третье стратегическое направление – это земельные отношения. Определяющим фактором устойчивого сельскохозяйственного производства является эффективное использование земельных ресурсов. Я не буду раскрывать этот тезис, так как академик Хлыстун остановится на нем более подробно.

С проблемой совершенствования земельных отношений непосредственно связано еще одно направление – размещение и специализация агропромышленного производства по зонам и регионам стран. Если говорить кратко, нам необходимо разработать и реализовать генеральную схему его развития и размещения. В части институциональных преобразований в АПК в качестве приоритета должно стать широкое развитие кооперации, которое охватило бы основную массу средних и мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей, как определенной альтернативы крупным агрохолдингам, которые владеют огромными массивами земельных угодий, размер которых достигает более полумиллиона гектаров, что может привести к негативным социально-экономическим последствиям.

В области экономических отношений предстоит уделить особое внимание ценовым отношениям сельского хозяйства со сферой материально-технических ресурсов и производственных услуг, ограничив опережающий рост цен и тарифов на этих сегментах рынка. Почему, например, стоимость одного киловатт/часа электроэнергии для сельхозтоваропроизводителей в 2,5-3 раза выше, чем для промышленности. Требуется коренного совершенствования система кредитования и страхования, обеспечивая доступ к ним массового сельскохозяйственного товаропроизводителя.

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

В отношении агрострахования достаточно сказать, что площадь застрахованных посевов составила в прошлом году лишь 5 % от их общей площади, что почти в два раза меньше, чем было в 2015 году. Следует усилить не столько фискальную, но и стимулирующую функцию/роль налогообложения, не раскрывая этих проблем. В перспективе будет возрастать в системе аграрных отношений роль внешнеэкономической деятельности, особенно в рамках Евразийского экономического союза СНГ, а также участие России в интеграционных формированиях (таких, как ШОС и БРИКС).

Теперь несколько слов о прогнозе развития сельского хозяйства. Ориентировочные расчеты были проведены по двум вариантам: оптимистическому и инерционному. Оптимистический вариант предполагает прежде всего настройку всей системы отношений в отрасли: экономических, внешнеэкономических, земельных, организационных, социальных, на обеспечение устойчиво опережающего развития. В таких условиях могут быть достигнуты значимые результаты в сфере производства: выход на среднегодовые темпы прироста продукции сельского хозяйства более, чем на 3 % в год, в итоге к 2030 году – в 1,4 раза, что обеспечит опережающее развитие по сравнению с мировым.

[00:20:08]

Развитие по инерционному варианту, при котором прирост продукции сельского хозяйства составит 1,2 раза к 2030 году, позволит решить главным образом вопрос продовольственной независимости, но не создаст условия для социально-экономического развития сельских территорий, формирования конкурентоспособного производства на мировых рынках. Конечно, этот вариант для России неприемлем, поэтому нужны коренные изменения. Таким образом, в основу предлагаемой нами стратегии заложен принцип трансформации отношений экономических, земельных, социальных, и на этой основе достижения желаемых показателей в социально-экономическом развитии отрасли и ее вкладе в экономику страны.

Таким образом, в этих условиях в прогнозном периоде АПК предстоит создать научный задел для последующего ускоренного перехода к новым технологиям, типам технических средств, прогрессивным формам социально-экономических отношений. В области агроэкономической науки предполагается сосредоточить внимание на совершенствовании принципов трансформации сельского хозяйства с учетом его многофункциональности и мультипликативности в условиях интеграционных процессов мировой экономики, формирование новой социальной парадигмы устойчивого развития сельских территорий, и наконец, проведение комплексных исследований проблем совершенствования земельных отношений и управления земельными ресурсами в сельском хозяйстве. Все это позволит разработать новую актуализированную аграрную политику и соответствующую ей экономическую модель функционирования АПК. Благодарю за внимание.

Игорь Абакумов: Спасибо, Иван Григорьевич. Виктор Николаевич Хлыстун «Современные вызовы в сфере земельных отношений».

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Виктор Хлыстун: Добрый день, уважаемые коллеги. Знаете, у меня были некоторые сомнения, имеет ли смысл выступать на очередной конференции, потому что в течение последнего полугодия мне довелось выступать на нескольких парламентских слушаниях, на большой форуме в Общественной палате, в Общественном российском фронте, где излагал те позиции, которые связаны с очень рискованной ситуацией в сфере земельных отношений. Всякий раз аудитория воспринимала это весьма положительно, всякий раз принимались определенные документы, но изменений, к сожалению, никаких не происходит.

Тем не менее говорить, очевидно, все-таки об этом надо, потому что если умалчивать о процессах, которые в сфере земельных отношений будут, мы зайдем в абсолютно катастрофическую ситуацию. Почему есть основания говорить именно так? Идеи земельной и аграрной реформы, начатой в 1990 году, к сожалению, сегодня трансформировались таким образом, что основные постулаты не только не реализуются в полном объеме, но и перевернуты как бы наоборот в определенной степени. Почему?

Первая позиция – абсолютная невнятность земельной политики государства. Вот давайте оценим сегодня, есть ли ответы на следующие вопросы. В современных сегодняшних условиях каковы приоритеты государства в сфере земельной политики? Идет длительный спор: крупное, среднее, мелкое землевладение, соотношение фермеров, количество латифундий. Есть ли у государства четкая позиция по этому поводу, которая была где-то формализована должным образом?

Вторая позиция. Намерено ли государство планировать организацию использования земли? Намерено ли государство участвовать в приостановлении процессов бурной деградации земли? Каковы приоритеты в этой сфере? Где роль государства, где роль хозяйствующих субъектов? Какие принципы, какие цели мы ставим в реализации государственной земельной политики? Какие задачи мы здесь должны решить? К сожалению, ответов на эти вопросы нет.

[00:24:56]

Я напоминаю, что в 2012 году был принят документ «Основы государственной политики в сфере использования земель». Кто знакомился с этим документом, наверное, помнит, какая главная цель содержания этого документа: отказаться от деления земель по категориям земель и перейти к принципу классификации по целевому делению. До сих пор эта проблема не решена, но это создает возможности для того, чтобы на земли сельскохозяйственного назначения усиливался напор самых различных бизнес-структур и административных. Сельскохозяйственная земля продолжает убыстряющими темпами таять, выходит из сельскохозяйственного использования.

Вторая позиция. Неадекватность информации о количестве структур и динамики земельных ресурсов страны. Мы имеем статистическую информацию, но если вы спросите у людей, которые подписывали эти документы (например, «Национальный доклад о земле»): «Вы гарантируете, что площади земли по разным классификация,

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

которые там отмечены, действительно имеют место?», вам ответят: «Нет, не гарантируем», потому что системы государственного земельного кадастра сегодня нет. Есть кадастр объектов недвижимости, а земельные участки поставлены на сегодня на учет по разным оценкам 17-19 % от их общего числа. Представляете, 80 % земельных участков не стоят на кадастровом учете. Это означает, что не установлены границы этих земельных участков, не установлена их принадлежность, не определено их целевое использование, не проведена их экономическая оценка. Это дает возможность для того, чтобы криминализация земельного рынка появлялась в страшнейших масштабах, потому что местные чиновники сегодня практически вольны в своих поступках по отношению к земле, распределяют все в волю своих намерений и предпочтений.

Все потому, что земли не разграничены: те, которые находятся в федеральной собственности, в собственности субъекта федерации, в собственности муниципальных образований. Если вы спросите, а где, например, земли Фонда перераспределения, вам никто не укажет границы этих земель, что означает, что местный чиновник берет на себя определенную ответственность за использование всех земель, которые ни за кем не закреплены. Как он поступает чаще всего: окружению, закрывает доступ сельскохозяйственным производителям, особенно фермерам, то есть распоряжается этим по своему усмотрению. И даже несмотря на то, что среди уголовных дел, заведенных на муниципальных чиновников, земельная тематика занимает устойчиво три-четыре года первое место – их не мало сажают, и посмотрите, только в Московской области сколько произошло – тем не менее этот производол продолжается.

Третий момент – это разрушение государственных институтов. Ликвидировали государственное землеустройство. Я хочу напомнить, что в период до 1998 года в каждой области был филиал проектного института по землеустройству, и эти проектные институты вели всю информационную деятельность по земле, устанавливали границы, разрабатывали проекты межхозяйственного землеустройства с установлением точных границ, разрабатывали схемы землеустройства районов на перспективу (районов, областей, республик). Сочли, что эти государственные образования не нужны, ликвидировали их. И что мы имеем сейчас в результате? Абсолютную неустроенность земли: без установления границ, без проектов внутрихозяйственного землеустройства. Чаще всего получается таким образом, что севооборотов нет, поскольку нет проекта внутрихозяйственного землеустройства, многолетние травы из севооборота выводятся, культивируются монокультуры и так далее. В конечном счете все это приводит к очень быстрой деградации земли.

Почему только 17-19 % земель поставлено на кадастровый учет? Потому что умники из Министерства экономического развития решили в начале 2000 года, что слишком большая роскошь ставить все абсолютно объекты недвижимости на кадастровый учет, и объявили так называемый заявительный принцип: кто хочет, тот поставит, а кто не хочет – нет.

[00:30:08]

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Кто ставит на кадастровый учет? Только в том случае, если он совершает какие-то сделки, а все остальные вне этого учета. Мы не имеем точно информации, сколько у кого земли, какого она качества, какова структура угодий. Коллеги, помните была земельно-шнуровая книга? В этой земельно-шнуровой книге было 132 колонки. Это избыточно, это много, но можно было понять, что в этом сельхозпредприятии столько-то земли закаменной, столько-то закустаренной, столько-то переувлажненной, и на этой основе и хозяйствующим субъектам, и планирующим организациям можно было установить меры, которые необходимо проводить.

Сегодня мы делаем случайные аэроснимки, и видим, что Курская, передовая Белгородская область покрыты огромной сетью оврагов, и эта сеть растет. В Белгородской области каждый год прибавляется порядка 18-20 километров оврагов. Представляете, если такими темпами будут выходить из использования наши лучшие земли? Практически нет и надлежащей информации о динамике этих процессов. Более того, мы не имеем плано-картографических материалов. В течение уже многих лет не проводятся сплошные съемки. Когда кто-то проводит какие-то сделки с землей, делает локальную съемку, чтобы оформить документы, но эта локальная съемка в разы стоит дороже, чем маршрутная сплошная съемка, а в результате, мы не имеем не информации, ни основы для легитимного совершения сделок.

По поводу принципа обязательного или заявительного кадастра. Мы недополучаем огромную массу земельного налога. Прикиньте, если только 19 % стоит на кадастровом учете и зарегистрировано, значит 80 % земли не облагается земельным налогом. А что это за налог? Это тот, который поступает в муниципальные бюджеты. Наши бюджеты страшно бедные. Примерно 830 миллиардов рублей мы ежегодно тратим на субсидирование муниципальных бюджетов из федерального бюджета. Ели бы эти деньги поступали нормально, по реальной оценке необходимости субсидировать муниципальные бюджеты в таком объеме не было бы. Мы посчитали, что чтобы поставить все участки на кадастровый учет, провести сплошную инвентаризацию, понадобится 450 миллиардов рублей в течение трех лет, то есть по 150 миллиардов рублей в год, но дополнительное поступление земельного налога уже через год составит порядка 170 миллиардов рублей, а после постановки всех участков и введения нормальной оценки, и нормального налогообложения, от 700 миллиардов до одного триллиона рублей может ежегодно поступать нормального земельного налога.

Еще один вызов – латифундизация страны. Я в самом кошмарном сне не мог бы себе представить еще в начале 2000 годов, что в России будут такие масштабы латифундизации. По сравнению с апрелем 2016 года ситуация усугубилась. Точных данных нет, но по некоторой информации «Мираторг» сейчас выходит на первое место, и у него сейчас около миллиона гектаров земли находится. Огульно ругать крупные сельхозпредприятия, крупные агрохолдинги, не следует. Если это разветвленное, распространенное на большой территории предприятие не убивает конкуренцию на местном уровне, то это не так плохо, потому что они действительно показывают высокую эффективность, но если получается так, что становится «Мираторг» практически

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

монопольным производителем мяса говядины высоких сортов, то в реале стоимость этого мяса более тысячи рублей за килограмм, как я вчера увидел в магазине. Для кого мы это мясо производим реально?

[00:34:50]

Но главная беда в том, что другие потенциальные сельхозпроизводители утрачивают возможности получить земельные участки, и власти этому потворствуют. Не входит ни в какие рамки решение Краевой думы Ставропольского края, которая установила минимальный размер земельного участка, отводимого для сельхозпроизводства в 2,5 тысячи гектар. Абсолютно перечеркивается возможность развития мелкого и среднего предпринимательства на селе, что совершенно очевидно. Это решение должно быть отменено на судебном уровне (сейчас этот вопрос рассматривается).

Из зала: Отменили. Был суд и этот закон удалили. Теперь по закону – 1 гектар минимум.

Виктор Хлыстун: Тем не менее, этот процесс имеет место повсеместно, порождая социальную напряженность, тракторные марши и так далее. Нельзя этот процесс запускать. Напомню из истории, Плиний сказал: «Древний Рим погубили латифундии». Точно также латифундии могут погубить и Россию.

И последнее. Нам нужно установить нормальную систему управления земельными ресурсами. Здесь представлена такая система, и ликвидация любого элемента этой системы приведет к ее недееспособности. Она должна быть воссоздана именно в таком виде. Спасибо.

Из зала: Виктор Николаевич стоял у истоков реформы земли, и владеет информацией и фундаментального характера, и хорошо знает теорию. Он сказал, что агрохолдинги могут погубить сельское хозяйство.

Виктор Хлыстун: Я сказал, что латифундии. Вертикальная интеграция – это нормальный экономический процесс. Если в рамках агрохолдинга существует эта вертикальная интеграция – это совершенно нормально. Плохо, если вся территория сельского административного района становится принадлежностью одного владельца, и тогда даже социально-политическая ситуация в районе другая. Пример – Кущевка. Таких Кущевок мы порождаем тысячи по нашей стране.

Игорь Абакумов: Спасибо, Виктор Николаевич. Петриков Александр Васильевич «Альтернативное развитие сельского хозяйства в России и совершенствование аграрной политики».

Александр Петриков: Спасибо, уважаемые Игорь Борисович, Иван Григорьевич. Я очень признателен за возможность выступить на секции, посвященной стратегии развития сельского хозяйства, которая проходит в моем родном Московском университете, где сложилась замечательная школа аграрников-экономистов. Мой учитель Емельянов Алексей Михайлович, и нынешняя кафедра во главе с Киселевым Сергеем Викторовичем

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

продолжают аграрно-экономическую традицию, которая в России более 300 лет уже. Я очень рад, что такие формы проходят и укрепляют эту традицию.

В розданном материале Ивана Григорьевича внутри есть несколько чистых страниц, я это рассматриваю как такое полиграфическое приглашение к тому, чтобы каждый участник нашей дискуссии внес свою лепту в разрабатываемую стратегию сельского хозяйства. Я постараюсь на нескольких вопросах остановиться в пределах отведенного времени, потому что невозможно даже за 10 льготных минут, которые дали для академиков, обо всем сказать.

Я хотел заострить ваше внимание только на трех проблемах. Первая. В обществе сейчас не очень благоприятный момент для серьезного обсуждения аграрных проблем, потому что в сельском хозяйстве плюс уже более 15 лет, а в последние годы во всех отраслях минус, и это притупляет взгляд многих экспертов, особенно политиков. Мол, в сельском хозяйстве все хорошо, и никто не ставит вопросов о цене этого экономического роста, и о том, какие он породил проблемы.

[00:40:04]

Это было общее замечание, а теперь конкретно. Кто обеспечивает этот экономический рост? По оценкам нашего института, это 20 % сельскохозяйственных организаций, или агрофирм и агрохолдингов, которые имеют доступ к рынкам крупных городов, имеют доступ к импортным ноу-хау, имеют квалифицированный персонал и так далее. Например, мы группировали сельскохозяйственные организации по прибыли, выпуску, вкладу этих разных групп предприятий в прибыль и в объем реализации. Если в 2009 году предприятия с выручкой более 100 миллионов рублей обеспечивали 41 % в отрасли прибыли и 20 % объема корпоративных организаций, то уже в 2014 году эти цифры возросли до 62 % и 42 %. На одном полюсе – богатство и экономический рост, на другом полюсе – выживание. У нас в России биполярная экономика, и степень этой биполярности возрастает. Разрабатывая стратегии, мы должны ответить на вопрос: что будет с этими группами хозяйств? Их тенденции развития и перспективы очень разные.

В этом аспекте один из факторов такой дифференциации – неравнодоступность государственной поддержки для разных групп хозяйств. Мы сопоставили два реестра: реестр регистрационных палат и реестр бюджета получателей Минсельхоза России. Получилось, что только 40 % организаций, которые в уставных документах пишут «сельскохозяйственная деятельность» как вид своей деятельности, имеют доступ к поддержке, а среди фермеров таких только 25 %. Если посмотреть последние меры правительства в этой области по консолидации субсидий и так далее, я думаю, что этот доступ будет еще более затруднен для большинства сельхозтоваропроизводителей. Конечно, это доступ к рынку для этих предприятий, потому что одна из самых важных причин – это возможность продать свою продукцию. Кто может ее продать? Большинство рядовых хозяйств не могут работать на рынках крупных городов.

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Без разрешения этих двух задач нельзя будет расширить главное средство для дальнейшего экономического роста в сельском хозяйстве – расширение социальной базы этого экономического роста, подключение к этому экономическому росту большинства рядовых производителей, потому что те крупные фирмы и агрохолдинги надо наградить правительственными наградами, но сказать им, что «В определенном смысле вы достигли своего потолка», потому что если общество предъявит жесткие экологические ограничения к этим производствам, то многим из них придется уменьшить свою хозяйственную деятельность.

Второе, о чем я хотел сказать, это о нерешенности социальных проблем. Сельская жизнь синтетична, там все взаимосвязано: и производство, и социальная сфера. Этот экономический рост в сельском хозяйстве сподвиг нас к решению социальных проблем, о которых говорил Иван Григорьевич? Нет. Он даже породил новые. С 2001 года у нас отрицательное миграционное сальдо по сельскому населению, в 2015 году впервые рождаемость в сельской местности стала меньше, чем рождаемость в городах, и деревня может перестать быть колыбелью нашего демографического роста, чем Россия всегда отличалась. Самое главное, что растет численность в России малонаселенных сельских административных районов. Мы сгруппировали все сельские административные районы страны по данным переписи 2002 и 2012 годов, в результате чего получилось, что 35 % сельских административных районов имеют плотность населения меньше, чем пять человек на квадратный километр. За период между переписями 27 районов покинули эту группу, но 106 районов вошли в ее состав.

[00:45:02]

Происходит стягивание сельского населения к крупным мегаполисам, к крупным транспортным узлам, а это уже грозит нашей стране геополитическими рисками. Поэтому развитие сельского хозяйства необходимо сомкнуть с развитием не сельскохозяйственной занятости в деревне. Без этой проблем нельзя будет решать проблемы экономического роста сельского хозяйства, потому что крупные предприятия высвобождают огромное число работников, которые должны найти эффективные рабочие места.

Как решить проблемы? Только при одном условии. Сельскохозяйственные производители и сельское население – это меньшинство российского общества. Крестьянство еще не научилось жить в условиях меньшинства, но этому надо научиться. Надо убедить крестьянство и нас с вами (аграрно-экономические науки) заинтересовать большое общество в решении аграрных проблем, чтобы наши аграрные проблемы не были чисто отраслевыми, а чтобы эти проблемы были проблемами для всей России. В этом смысле надо сказать, что нельзя представить Россию без высокоэффективного сельского хозяйства и развитой российской деревни. Здесь важнейшая роль принадлежит экспертизе обществом тех проектов, которые разрабатываются в агропродовольственной и сельской политике.

За последний год я не знаю ни одной оценки, ни одной экспертизы Российской академии наук, проведенной по тому или другому документу, который выходит из-под пера

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Правительства. Консолидация субсидий произошла, а где оценка академического общества? Этой оценки нет. Новая система кредитования в сельском хозяйстве внедряется, где оценка? Нет оценки. Поэтому мяч на нашей стороне. Благодарю за внимание.

Игорь Абакумов: Спасибо, Александр Васильевич.

[00:47:37] (Конец записи)

170228_0390

[00:00:00] (Начало записи)

Игорь Абакумов: В 1989 году одновременно в двух центральных газетах – «Известия» и «Сельская жизнь» – вышли серии статей о голландском фермерстве. Это были не просто статьи, это были не просто туристические замечания. Это были результаты стажировок двух квалифицированных журналистов, один из которых был я – я работал в газете «Известия», Константин Мезенцев работал в газете «Сельская жизнь». Это была месячная стажировка в фермерском хозяйстве, в кооперативе, в кооперативе кооперативов, в национальном кооперативе, в банковской системе, в торговой системе, в Министерстве сельского хозяйства и так далее, и все это было описано через собственный опыт.

Какое было дальнейшее действие? Обе эти статьи были обсуждены в отделе ЦК КПСС по сельскому хозяйству, были розданы соответствующие поручения об изучении этого опыта. Госкомиссии по продовольствию и закупкам при Совете министров Российской Федерации приняла решение организовать ряд фермерских хозяйств по голландскому опыту в Российской Федерации. В 1990 году в Советском Союзе было подписано межправительственное соглашение между СССР и Нидерландами о совместном финансировании и разработке создания зоны фермерской кооперации в двух областях РСФСР. На границе Владимирской, Тверской, Московской областей была создана зона в 4 700 гектаров.

В Голландии была проведена стажировка 100 фермеров. Что это были за люди? Это были еще не фермеры. Был 1990 год, это были арендаторы из Карабаха, из Сумгаита, из Средней Азии, из Сибири. Со всей огромной страны были отобраны 100 человек как минимум с двумя высшими сельскохозяйственными образованиями, чтобы семья обязательно была полная, и чтобы возраст не превышал 45-50 лет. Эти люди были отправлены в Голландию на стажировку. Они приехали, к этому моменту голландские проектировщики уже спроектировали, и началось строительство домов.

Какие деньги были выделены? 200 миллионов рублей в тех ценах. Сколько это миллиардов сейчас?

Из зала: Раз в 200 больше.

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Игорь Абакумов: Спасибо. Понятно, какой был бюджет. Это ЦК КПСС, это Госкомиссия по продовольствию и закупкам, это Советский Союз. Эти деньги были зарезервированы во «Внешэкономбанк», Люди приехали в Голландию, сели на земли и для них уже начали строиться дома за счет государственного бюджета. Но наступил 1991 год, счета во «Внешэкономбанке» были заморожены, поскольку это был «Внешэкономбанк» СССР, и Правительство Российской Федерации перестало существовать, а договор с Голландией подписывал премьер-министр Силаев. Две фигуры, которые поняли, что это нужно делать, – премьер-министр Силаев Иван Степанович и Владилен Валентинович Никитин, Госкомиссия по продовольствию и закупкам.

В 1991 году проект остановился. Что случилось? Что произошло? Прекратилось финансирование. Мы, как инициаторы этого проекта, пошли к Гайдару. Гайдар сказал: «Все, что было при Советском Союзе, нас не интересует». Мы пошли к Чубайсу. Чубайс сказал: «Эти деньги пригодятся для других целей». Я не буду вам рассказывать всю драму этой ситуации: 100 человек были сорваны со всего Советского Союза.

В 2013 году было 300-летие возобновления дипломатических отношений с Голландией, и нужен был новый проект. Кто-то меня спросил: «А что можно сделать?», зная, что я с Голландией часто имею отношения, я говорю: «Так есть проект «Инфра». Он назывался «Инфра». Почему он так назывался? Потому что «Инфра» – это перемешивание в одном месте голландских фермеров с их семьями и российских фермеров с их семьями, чтобы голландские фермеры обучали наших фермеров на живом опыте кооперации, переработке, оборудованию.

[00:05:22]

Это была не просто посадка фермеров на землю, а это было перемещение голландского опыта целиком вместе с голландцами на нашу землю, и таким образом создавался бы центр по подготовке фермерства и кооперации для всей Российской Федерации. Вот, что было тогда задумано.

Эти фермеры куда-то делись? Ничего подобного. Про них забыли на 25 лет. Как космонавтов забыли на межпланетной станции. Забыли просто. По состоянию на 2013 год по проекту «Инфра» продолжали работу 12 фермеров в Московской области и 19 фермеров в Ярославской области, но владея землей, они не владели домами. Дома их до сих пор продолжают оставаться на балансе Министерства сельского хозяйства как недострой. Они в государственном реестре стоят. Эти дома уже давно амортизированы, извините.

Проект неожиданно возобновился, и во время визита президента Владимира Путина в Нидерланды, этот вопрос он обсуждал с королевой Беатрикс. Было сделано поручение продлить этот проект. Съездил туда замминистра Шестаков, который тогда еще не возглавлял рыболовство. Съездил туда Дворкович. Все было подписано, но опять случилась беда – сбили «Боинг» над Украиной, а он был голландский. Все это дело

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

приостановилось, и вот только сейчас, 26 лет спустя, фермеры продолжают жить и ждут, когда же это начнется.

Почему это все происходит? Почему я вспомнил об этом проекте? Ради чего он создавался? Он создавался ради того, чтобы создать параллельные структуры в сельском хозяйстве Российской Федерации, и чтобы когда количество этих параллельных структур перерастет критическую массу, заменить существующую организацию сельского хозяйства этими параллельными структурами. Спасибо за внимание.

Иван Ушачев: Спасибо. Слово Старикову.

Иван Стариков: (00:08:10) Спасибо, Иван Григорьевич. Добрый день, уважаемые коллеги. Безусловно. Прекрасно выступил Виктор Николаевич Хлыстун, и я подпишусь под каждым его словом относительно того, что необходимо воссоздавать орган по управлению земельными ресурсами страны. Если говорить о серьезной балансировке муниципальных бюджетов, то ровно те самые цифры, которые назвал Виктор Николаевич, – 600 миллиардов рублей, чтобы сбалансировать муниципальные бюджет, их вполне можно выделить за счет земельного налога, тем более это налог достаточно легкий для фискального администрирования, постоянный во времени и пространстве, в отличие от циклических налогов на прибыль или НДФЛ.

В какой части я бы подискутировал с Александром Васильевичем? Все-таки макроэкономистов, а я имею отношение к макроэкономике, называют «макрушниками», поэтому как «макрушник» хочу сказать, что если вы посмотрите, что произошло с российском ВВП с 2008 года, то и в номинальном исчислении, и по паритету он вырос всего на 1,8 %. Это потерянное десятилетие для России. У развитых стран, которые входят с «Большую восьмерку», на 18 % ВВП вырос, а в странах БРИКС – от 30 до 40 %. На сегодняшний день витрина благополучия в нашей экономике, по крайней мере то, чем можно похвалиться, – это сельское хозяйство, но оно не вытянет российскую экономику. В этом смысле и правительство, и население страны находится на тающей льдине.

Посмотрите структуру расходов домашних хозяйств за прошлый год – продовольственная корзина 52 %. По методике ОЭСР показатель бедности – 35 %. Мы давно перешагнули эту черту. Уникальный феномен, как об этом сказала Голодец: 5,5 миллионов работающих граждан оказываются за чертой бедности. Безусловно, необходимо решить вопрос. Я не хочу быть плохим предсказателем, но то укрепление рубля, которое происходит, оно абсолютно отвязано от нефти, оно обваливает и экспорт. Я думаю, что мы не вытолкнем те 40 миллионов тонн зерна из страны, и на 1 июля, когда будет закончен сельскохозяйственный год с такими переходящими остатками, те победы условны. На внутреннем рынке нам не хватает продовольственного зерна третьего класса, четвертый и пятый – это очень ущербный. То, что турки сделали, – это очень ущербно, и вся экспортная политика России висит на тоненькой ниточке.

Алексей Леонидович Кудрин из Центра стратегических разработок попросил меня дать предложения. Я не могу их озвучить, я связан обязательствами, не для широкой публики.

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Все-таки я хочу сказать, какой у нас есть шанс. Остался год до президентских выборов, дорогие друзья. Я скажу вещь жестокую, но это правда: проблемы будут с выборами в крупных городах, поэтому вся надежда на лояльность населения в сельской местности. Если мы сейчас обусловим принятие стратегии, в ходе которой будет ряд предложений, которые здесь прозвучали, то только там образом мы сможем получить политическую лояльность населения в сельской местности на выборах президента, и будет шанс, что нас услышат. Спасибо!

Игорь Абакумов: Спасибо, Иван Валентинович. Михаил Ксенофонтов, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН «О стратегии краткосрочного развития АПК».

Михаил Ксенофонтов: Уважаемые коллеги, попробую кратко рассказать о наших размышлениях к стратегии развития АПК Российской Федерации. Хотя Иван Григорьевич сказал, что анализ к стратегии имеет малое отношение, на самом деле, мы так не считаем. Начну с того, что нам нужно понять, как мы развивались предшествующие 10-15 лет, чтобы понять, в каких стартовых условиях мы разрабатываем стратегию на следующие 10-15 лет и так далее, то есть на стратегическую перспективу.

Если посмотреть, как росли предыдущие 15 лет, то мы увидим, что основной прирост обеспечило производство мяса, на втором месте производство зерна. Это совершенно ожидаемая вещь, потому что и экспертное, и бизнес-сообщество, и система управления в середине 2000 годов были едины в том, что основной потенциал развития сельского хозяйства связан с наращиванием объемов производства животноводческой продукции, с экспортом зерна, и еще, возможно, с некоторым мультипликативным эффектом, который обеспечит рост животноводческой продукции, потому что ее производство нуждается в дополнительном производстве кормов, в том числе и фуражного зерна.

[00:15:01] (Конец записи)

170228_0391 – (Технический файл.)

170228_0392

[00:00:05] (Начало записи)

Михаил Ксенофонтов: Оказалось, что произошел такой стремительный рост эффективности использования кормов, что в итоге рост эффективности практически полностью съел тот потенциал прироста спроса на корма, который мог породить прирост животноводческой продукции.

Следующий вопрос состоит в том, можем ли мы в таком режиме развиваться в дальнейшем, в рассматриваемой перспективе? Мы можем легко убедиться в том, что

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

несмотря на то, что у нас не было официально оформленной стратегии, у нас были документы, которые фактически заменяли ее. Доктрина продовольственной безопасности, если ее целевые ориентиры перевести в объемы производства, достаточно четко определяет, сколько и чего нам нужно было произвести.

Мы видим, что в производстве мяса мы достигли таких уровней, которые уже принципиально не отличаются от среднестатистического употребления мяса в Европейском Союзе. Если представить, что это будет некоторый дополнительный потенциал роста, то разницу в 73 и 83 мы можем преодолеть за два-три года. Возможности импортозамещения мы тоже в существенной степени исчерпали в предшествующие периоды времени.

Выдвину гипотезу, что нынешний подход к решению проблемы развития молочного животноводства может быть неадекватен, потому что главная проблема состоит не в том, что у нас неэффективное производство молока, а в том, что у нас нет спроса на молочную продукцию. Спасибо за внимание.

Игорь Абакумов: Спасибо вам большое. Давид Беркович Эпштейн Северо-Западный НИИ экономики сельского хозяйства.

[00:02:30] (Конец записи)

170228_0393

[00:00:00] (Начало записи)

Давид Эпштейн: В качестве данных мы взяли финансовые отчеты тех сельхозпредприятий, организаций, которые есть в соответствующей статистической базе Госкомстата. С 2001 по 2012 год оказалось порядка 1000-1200 предприятий и организаций за каждый год, которые я подверг исследованию на предмет эффективности агрохолдингов, причем больше интересовала инвестиционная эффективность, а потом уже экономическая, то есть как быстро и эффективно наращивает инвестиции тот или иной тип предприятия, а также регион, есть статистические значимые преимущества какого-нибудь региона, у какой-нибудь организационно правовой формы и у какой-нибудь формы собственности.

Мы получили, что есть два периода. Примерно с 2001 по 2007 года агрохолдинги были эффективнее немножечко – не каждый год из этих семи – по сравнению с обычными предприятиями и в экономическом, и в инвестиционном плане. Мы знаем, что это был время взрыва объемов инвестирования и кредитования агрохолдингов. Проходит кризисный период, 2008-2009 года, и агрохолдинги перестали быть статистически значимо эффективнее, чем обычные предприятия, которые не входят в агрохолдинги.

Решающим фактором эффективности оказывается масштаб. Так вот если при том же примерно масштабе обычное предприятие не уступает эффективности ничуть

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

агрохолдингу, хотя масштаб сказывается позитивно. Это первый и очень существенный результат, который означает, то давать особые преимущества агрохолдингам через аграрную политику, через субсидирование, особого смысла нет, а скорее, наоборот. Они закредитованы, они быстро влетают на банкротство и так далее. Из регионов Северо-Западного федерального округа чаще всего Ленинградская область демонстрировала эффективность инвестиционную, а экономическую – Вологодская область, хотя тоже не каждый год.

[00:02:47] (Конец записи)

170228_0394

[00:00:19] (Начало записи)

Василий Вершинин: Позиция наших и той, и другой организации в части успехов сельского хозяйства, о которых здесь говорили, о которых чуть не ежедневно говорят с трибуны: мы сравниваем это с цветением паразитических растений на древе, из которого они высасывают соки, а древо – это российское крестьянство. На сегодня, на наш взгляд, идет тотальное уничтожение российского крестьянства. Во-первых, оно обезземелено почти уже. Большинство тех, кто проживают на селе, они чаще уже не имеют отношения ни к земле, ни к сельскому хозяйству. Более того, даже само понятие «крестьянин» изживается, оно подменяется иноземным словом «фермер».

Почему это происходит? Здесь уже говорили немало причин, но одна из них – это концептуально неверный подход к развитию малого предпринимательства и сельскохозяйственной кооперации. Во всем мире идет более-менее равномерное расселение сельского населения на земле того или иного государства – то есть малое предпринимательство – но оно объединяется в крупнейшие кооперативы, способные противостоять холдингам, латифундиям и так далее. У нас же все идет наоборот. У нас создаются достаточно крупные малые предприятия, а сельхозкооперативы создаются в ничтожных размерах, которые никакой роли на рынке сырья и продовольствия оказать не в состоянии.

Возьмем закон о малом предпринимательстве. Во-первых, у нас он неверно трактуется чаще всего. Они под ним понимают только личное подсобное хозяйство и фермерские хозяйства, но личные подсобные хозяйства там вообще не фигурируют, так как не являются по этому закону малыми предпринимателями. Фермеры – то же самое. И там они должны подразделяться согласно этому закону по критериям, и если он подходит под эти критерии, он малый предприниматель, а многие же не подходят. Здесь назывались миллионы гектар «Мираторга», но у нас же есть фермеры, которые имеют 500 тысяч гектар земли, но входят у нас в понимание малых.

В чем порочность данного закона? Год назад были изменены критерии, согласно которым мы относим к малым предпринимателям. Верхний предел был 400 миллионов рублей,

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

теперь его установили в 800 миллионов рублей. Сравним, допустим, с США – там верхний предел для малого предпринимательства на наши деньги 15 миллионов рублей. Посмотрите во сколько раз это меньше. Государство наше крупные предприятия перевело в разряд малых и теперь спокойно отчитывается о росте малого предпринимательства.

Когда мы говорим о малом предпринимательстве, мы должны учитывать и другие вещи. Если тысяча нищих у нас объединится в какое-то предприятие, у них по тысяче рублей, у них будет капитал 1 миллион рублей – это будет по закону крупное предприятие. Рядом кто-то имеет 100 или 400 миллионов рублей, объединились один-два человека – это малое предприятие. Я это говорю к тому, что у нас любой кооператив и даже акционерное общество производственное, какие бы они крупные не были по территории, но надо учитывать какой размер земли в собственности падает на одного сособственника, и эти предприятия, независимо от их величины, я считаю, надо относить к малым предприятиям.

По сельскохозяйственной кооперации. Она у нас на сегодня имитируется. Чаще всего размер ее, если с США сравнивать, по своим оборотам в 600 раз меньше, чем кооперативы этой страны. Я считаю, что надо нам внести изменения в закон о малом предпринимательстве в части изменений уменьшения критерия максимального, но также надо вводить и минимальные критерии для малых предприятий.

[00:05:10]

Нам не годится создавать предприятия типа «Дальневосточный гектар» – они не жизнеспособны. Надо уточнить вопрос по крупным предприятиям, которые имеют большое количество сособственников. Нужно изменить подход к выделению государственных средств на развитие сельскохозяйственной кооперации. Если за собственные средства граждане вправе созывать кооперативы любых размеров, то государство, выделяя средства, должно целенаправленно выделять их на крупные конкурентоспособные кооперативы, которые могут отстаивать интересы малого предпринимательства. Нужно ограничить размеры землепользования. Нужно принять меры по изъятию неиспользуемой земли. То есть надо начать реально что-то делать по развитию малого предпринимательства и сельскохозяйственной кооперации. Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо вам большое. Еремеев Валерий Иванович, председатель сельскохозяйственной артели колхоз «Маяк» Перемышльский район Калужской области.

Валерий Еремеев: Спасибо. Уважаемые коллеги, для меня очень интересно присутствовать вот на таком большом форуме и слышать те проблемы, с которыми я сталкиваюсь каждый день последние 23 года, работая председателем колхоза. Колхоз «Маяк» был создан в 1930 году как сельхозартель «Маяк». Сегодня он колхоз «Маяк», и как бы такой маленький симбиоз в соответствии с нашим действующим законодательством – сельскохозяйственная артель «Колхоз «Маяк». Те проблемы, которые сегодня здесь озвучены, с одной стороны, просятся, нарываються, и можно

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

сегодня сказать: «Если мы не успеем сделать, если не успеем сегодня решить, то можно с деревней попрощаться».

Я приведу некоторые цифры по Калужской области. В Калужской области сегодня общее население 1 030 000-1 040 000 человек. На селе за последние 15-20 лет население сократилось в два раза: было 420, сегодня 240 тысяч. Из 240 000 человек 36 тысяч человек области работает в сельском хозяйстве. Если посмотреть повнимательнее, то 9,6 тысячи человек работают непосредственно в сельскохозяйственном производстве. За последние три года, а это губернаторская программа поддержки молодых специалистов, на село пришло работать 111 человек, что немного более, чем 1 % от всего работающих. Исходя из этих цифр, из этих понятий можно ответить, что один с сошкой, а тысячу с ложкой. Сможем мы обеспечить? Сложно сказать, но и деревня, и сельхозпроизводство будут сокращаться.

Первое, что нужно сделать, – это остановить развитие и поддержку монополий, то есть тех крупных агрохолдингов, которые финансируются из бюджета. Львиная доля (80-85 %) всей государственной поддержки, которая идет, попадает в агрохолдинги. А как развиваются агрохолдинги? Тот же «Мираторг»: часть той поддержки, которая идет, идет на скупку земель. Соответственно, если считать экономически, то действительно мясо должно быть тысячу рублей. Мясо, которое продает наш кооператив, стоит до двухсот рублей – 180-200 рублей. Это то, что на рынке сегодня востребовано.

Можно ли какие-то сделать шаги реальные, которые можно было бы решить на сегодняшнем этапе? Да, можно. Можно увеличить производство продукции в полтора-два раза сегодня? Да, можно. Первый шаг, который мы должны сделать, – это децентрализация системы управления. Все нужно поставить с головы на ноги. Что я здесь подразумеваю? Все хорошо знают 31-й закон об общих принципах местного самоуправления.

[00:10:00]

Так давайте два муниципальных уровня, которые есть, сформируем в один, потому что в районах осталось пять-шесть тысяч человек – для муниципального образования нормальная среда. Но и муниципальное образование должно зарабатывать деньги. Основную экономику составит земельный налог, тогда и будет понятно, кто платит, где платит, и кто находится. Отсюда нужно будет составить реестр собственников. Неважно: федеральных, государственных, частных, но будет понятно, кто платит налог. И там можно будет уже спросить. Налоги сегодня платят, и земельный налог платят, а когда муниципалы будут собирать эти налоги от того, что у них есть в собственности и управлении, тогда и будет понятно. Спросить надо того, кто работает на земле и платить не земельный налог, а консолидированный налог – то, что люди зарабатывают.

Чтобы поддержать сельское хозяйство, давайте мы решим не давать, не вкладывать деньги, а мы, как экономисты, сформулируем одну очень простую задачу, которая была в советское время в колхозах: единый сельскохозяйственный налог, который должен

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

составлять 3 %, максимум 5 % от объема реализованной продукции. Куда войдут все налоги: НДФЛ, пенсионный, социальный, дорожный и так далее – всего 3 %. Это будет понятно. Те инвестиции, которые будут зарабатывать, пойдут в развитие сельскохозяйственного производства, и это тронется.

Я понимаю, что сегодня победили неоклассические экономисты с Фридманом и их четкая теория, что дело бизнеса только бизнес. Все программы, которые принимаются – это и национальные проекты развития животноводства, это и сегодняшние программы, которые идут по поддержке сельского хозяйства, и стратегические программы, которые есть, четко направлены на развитие бизнеса. А где социальная сфера? Обратим внимание на тот факт, что за последние 20-25 лет бюджетного финансирования в развитие социальных сфер на селе практически не было. Кто останется жить на селе?

И тем вузы, которые сегодня готовят специалистов для села, и тем фермеры, которые приходят, давайте те же вопросы, которые вы сегодня говорили: если есть фермер – пройди специальную подготовку, получи лицензию или аттестат, и выходи на работу. Сегодня кто бы ни захотел, кто бы краше не построил – землю получил, а что дальше получилось, неизвестно. Точно так же и в социальной сфере. Пришел работать на село или поступил в сельскохозяйственный вуз, отучился 5 лет, отработал 10-15 лет на селе, получил жилье. Если не пошел работать после вуза – оплати. Тогда будет все понятно. Нужно, чтобы хоть какие-то движки были на село, тогда будут приниматься, и село будет жить.

Мы должны пересмотреть еще часть законов, которые сегодня существуют, и не убрать из этих законов «щипачей», которые еще живут за счет сельского хозяйства. Закон о техническом регламенте на молоко и молочную продукцию: за ветеринарное свидетельство на молоко, которое выдается о том, что молоко с этого хозяйства поступает на молочный завод, где проходит всю аттестацию, хозяйство платит 145 рублей ежедневно. Это полбеда. Нужно еще ежедневно съездить в веткомитет, его получить, оформить и отправить. Это обременяет село, это обременяет производителя, который отказывается просто от работы молчаливо.

В заключение я бы хотел привести слова одного поэта. Если мы не примем серьезных мер в области поддержки селян, развития деревни, то все-таки деревне придется ставить памятник, «чтобы показать хотя бы раз то, как покорно и безгневно деревня ждет свой смертный час. Ломали кости, рвали жилы, но ни протестов, ни борьбы, одно лишь «Господи помилуй!» и вера в праведность судьбы». Спасибо.

Игорь Абакумов: Для справки, Валерий Иванович является доктором экономических наук. Ковалев Юрий Иванович.

[00:15:04]

Юрий Ковалев: Добрый день, коллеги. Я являюсь генеральным директором Национального союза свиноводов, и я посмотрел, сегодняшнюю пленарную сессию, которая называлась «Растерянный человек: между отчаянием и надеждой». Честно

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

говоря, у меня вот такое ощущение растерянности, но только, наверное, оно несколько в другом. Прослушав первую пленарную часть, я действительно был несколько растерян, поскольку подавляющее большинство выступлений сводилось к одному – как все делается не так, все делают не так и нужно все переменить. Мне это сначала напомнило 1917 год уже, когда один раз так зашли, все разрушив. Второй раз так было в 1991 году.

Коротко смысл: за эволюцию! Нельзя отвергать все, что было уже сделано сейчас. И сейчас многим, как предыдущий оратор говорил про молоко, про сертификацию и так далее, нужно заниматься, потому что только занимаясь в ежедневном вот таком режиме можно что-то сделать.

Говоря про свиноводство, я действительно хотел бы сказать буквально несколько вещей. Сегодня очень много говорилось об отсутствии кредитов, и это правда. Это правда, что это главная болевая вещь, но так сложилось, что во всем этом есть сельское хозяйство, есть свиноводческая отрасль. В свиноводческой отрасли как раз все сложилось обратным образом. Почему? Потому что именно современная, новая свиноводческая отрасль была построена за последние 10 лет именно на эти субсидируемые кредиты. Это действительно ставка 5-7 %, промышленное свиноводство практически из разрушенного состояния к 2005 году, практически, в восемь раз увеличилось, и на сегодняшний день мы импортозависимы по свинине порядка 7 %, а были порядка 50 %.

Это самые современные производства, которые построены, и тот злополучный «Мираторг», про который тут все упоминается, это все-таки не латифундия, это все-таки вертикально-интегрированный агрохолдинг, который расположен во многих регионах. Латифундия – это когда земля отдается в аренду. На животноводство нельзя смотреть на 10-15 лет назад, нужно смотреть сейчас. Сейчас глобальные сети правят миром и от этого никуда не деться. Мы работаем с законом о торговле, но от этого никуда не денемся. Я был почти 20 лет директором мясокомбината, у меня было две тысячи клиентов, а директор мясокомбината, собственник, допустим, во Франции, у него пять клиентов, пять сетей и все, потому что у них 90 % рынке. И сеть будет работать только с тем, кто ей поставит по самой минимальной цене самого стандартного качества по всей территории страны. Выполнить это могут сегодня только крупные предприятия. Я их сейчас не защищаю, я противопоставляю.

Александр Васильевич сказал, сколько они составляют. Наша статистика показывает, что действительно 80 % всего производства в мире выполняет примерно 20% компаний, а оставшиеся 20 % – это мелкие 80 %, которые объединяют как раз занятость населения, границы и так далее. Поэтому нельзя это противопоставлять. Можно находить недостатки в крупных каких-то, и действительно есть где-то какие-то ограничения, но нельзя их показывать как некое зло, которое разрушает.

Еще один пример. 20 лет назад самый современный свинокомплекс, завозили их из Италии и так далее, производил 100 тысяч свиней, на нем работало тысяча человек. Каждый такой комплекс – это было градообразующее предприятие. Сегодня по современным технологиям 70 человек работает и обратного не будет, поэтому нужно

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

искать, как в новых условиях занимать заселение, придумывать. Другая проблема – «Мираторг», «Агро-Белогорье», только что открыт завод в Курске, в Тамбове – огромные заводы, на которых работает две с половиной тысячи человек только на одном заводе: это убойный, разделочный и так далее. Невозможно найти кадры. Вокруг полно деревень, кадры найти невозможно. Только что мы открыли крупный завод в Курске: 80 автобусов в парке содержится для того, чтобы в радиусе 150 километров каждое утро они разъезжали собирать работников.

[00:20:06]

Это тоже та реальность, которая есть. Я говорю только лишь про то, что, когда мы строим, или делаем критику, или прогнозы, нужно помнить нашу ментальность, надо помнить нашу историю, никуда от этого не денешься. И то, что родились такие компании крупные, – это тоже веление времени. Объединиться, как имели возможность объединиться европейцы после Второй мировой войны в течение 10, 20, 30 лет, возможности сегодня нет. Из Топ-20 сегодняшних производителей свинины практически все 10 лет назад не существовали, их просто не было, они не занимались, вообще не знали слово «свинина». Это просто активные люди, которые пришли с математических факультетов, с физических, с военных, и в той бюрократической системе, а она действительно бюрократическая, смогли пробить этот.

Можно сколько угодно пенять: надо разбюрократить, надо сделать, но время уходит, а это уже сделано. Из предложений мне очень понравилось, когда произнесли слово «импортозамещение». Я в каждом своем выступлении подчеркивал, что оно отдает каким-то таким политическим изоляционизмом, как будто мы хотим. Мы рассматривает импортозамещение как возможность вернуть свои рынки в своей стране, потому что мы раздали свой рынок всем, а свои не смогли. Это сделано. Сейчас произносится, я не знаю на каких уровнях, но нужно уйти от импортозамещения и перейти к экспортноориентированному сельскому хозяйству. Это цель, это стратегия, которая может быть реальна. По свинине и по мясу эта цель еще очень хрупкая, но она уже реальна. На сегодняшний день мы по мясу импортозависим менее 10 % и темпы экспорта мяса увеличиваются каждый год в два раза.

Почему про экспорт? Тут уже говорили, но я еще раз повторю: по 2017 году экспорт продовольствия больше, чем экспорт оружия, больше чем 50 % экспорта газа прошлого года. В прошлом году экспорт газа – 31 миллиард, а сельское хозяйство – 17. Именно поэтому это стратегический путь и стратегическое направление. Спасибо.

Игорь Абакумов: Спасибо. Киселев Сергей Юрьевич.

Сергей Киселев: Уважаемые коллеги, я буду по существу, потому что за пять минут можно только про человечество сказать, что оно рождалось, жило и умирало, поэтому про поддержку сельского хозяйства приоритеты тоже можно очень коротко сказать. Первое – роль государственной поддержки важная, но мне кажется, что она у нас часто преувеличивается. Она важная, но не решающая, а дополняющая к тем частным

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

вложениям, которые существуют. Юрий Иванович сейчас выступал и говорил о том, какая роль крупных компаний. Конечно, без собственных крупных инвестиций того, что у нас произошло в отрасли птицеводства и свиноводства, не произошло бы, но и без поддержки этого не было бы.

Второе – она является фактором уверенности агробизнеса, и поэтому ее надо сохранять. Третье – в основном, она выступает в качестве обеспечения стабильности. Про цифру, которую называл Иван Григорьевич Ушачев, – 17 % рентабельности: если убрать государственную поддержку сельского хозяйства, то рентабельность сельского хозяйства в среднем по стране будет в районе нуля, где-то 2-3 % рентабельность, и до такой части мы не сработаем. Она нужна, но преувеличивать ее не надо. Если сравнить, допустим, господдержку сложной отрасли молочного производства и ее роста, то нет никакой статистической значимой связи между поддержкой, в частности молочного производства, и изменением производства молока. Значит есть какие-то другие факторы.

Если взять общую поддержку сельского хозяйства и связать ее с изменением объема производства, опять-таки четкой статистически значимой связи не существует, значит, есть другие факторы. Один из них – это климат. Климатические факторы пока что очень благотворно влияют на наше сельское хозяйство, и мы в этом году собираемся как раз посчитать, какая там зона влияния этого фактора. Третий момент – уже необходимо, прямо переходя к изменениям приоритетам поддержки сельского хозяйства.

[00:25:07]

Необходимо оценивать два основных фактора, когда мы решаем, будем решать или в будущем, или сейчас решать вопросы по поддержке сельского хозяйства – это соотношение спроса и предложения, которое существует на агропродовольственном рынке Российской Федерации, и в частности по отдельным продуктам. Одна картина по свиноводству и по птицеводству, совсем другая картина по говядине и молочному производству, или, допустим, по фруктам, или даже по вину, потому что в Европейском союзе вино – это достаточно субсидируемая отрасль, которой очень существенная поддержка идет из бюджета Европейского союза.

Для сравнения поддержки Европейского союза и России: у нас значительно меньше. У нас меньше и абсолютная, и в процентном отношении. Если взять всю поддержку сельского хозяйства, включая так называемые искажающие, не искажающие, то в Европейском союзе это где-то 20 % от валовой продукции сельского хозяйства, у нас где-то 8 %. Тем не менее, если мы возьмем структуру этой поддержки, то у нас основная поддержка пока что настроена на рост производства и связана с объемами производства, а у европейцев эта поддержка науки, это поддержка, не связанная с производством, поддержка доходов работающих фермеров, это поддержка на гектар земли и так далее.

Исходя из этих факторов, состояние бюджета таково, что не позволяет увеличивать поддержку. У нас сейчас происходит переориентация в экономике. Если вы включите телевизор, вы увидите, что у нас регулярно показывают, какие военные учения

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

происходят, какие корабли мы строим, какие самолеты мы строим, то есть идут деньги сейчас на военно-промышленный комплекс. На сельское хозяйство ожидать вряд ли возможно, и из этого тоже надо исходить, если мы говорим о приоритетах.

Какие же конкретно приоритеты? Первое – точечная поддержка отдельных отраслей. В данном случае я бы назвал уже то, что упоминал – это молоко, может быть, с корректировкой конкретных форм, как поддерживается молочное производство, мяса говядины, производство фруктов, винограда, вина. Дальше поддержка экспорта, о чем Юрий Иванович говорил. По некоторым отраслям это становится очень острой проблемой, в том числе и по зерну. Совершенно правильно Иван Валентинович говорил про зерно, что оно очень сейчас в таком чувствительном состоянии находится, и возможностей резко увеличивать наш экспорт зерна не так уж и много, потому что рынок зерна, какими бы мы не были хорошими конкурентоспособными, очень конкурентный, и очень сложно занять новые рынки. Возможность для новых рынков ограничена, поэтому это надо иметь в виду.

В чем может заключаться поддержка экспорта:

– транспортировка, но она нужна в таких формах, которые не нарушали бы правила Всемирной торговой организации;

– поддержка экспортного кредитования, в котором очень нуждаются наши коллеги, в том числе гарантийное страхование этих экспортных кредитов и вообще государственные гарантии;

– увеличение доли мер, которые являются не связанными, чтобы в условиях насыщенности рынка и возможных проблем с реализацией продукции, фермеры и крупные производители могли бы самостоятельно гибко перестраиваться по структуре своего производства;

– изменения правил предоставления поддержки, чтобы было меньше административного ресурса;

– оптимизация соотношения поддержки. Не прекращение поддержки крупного бизнеса, а оптимизация поддержки крупного, малого, среднего бизнеса. Спасибо.

[00:30:00]

Вячеслав Чекалин: Иван Григорьевич в своем выступлении сказал, что у нашего руководства нет стратегии развития, социально-экономического развития села, АПК и так далее. Мне кажется, с точки зрения неэффективности, эффективности стратегии – это правда, а то, что нет стратегии, мне кажется, это не совсем так. Стратегия всегда определяется результатом по делам. О результате. Виктор Николаевич демонстрировал слайды, что идет страшная концентрация собственности, прежде всего, на землю. С моей точки зрения, это очень опасная тенденция. Я думаю, что руководитель нашего правительства много лет назад не зря сказал, что все население России нужно

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

концентрировать в 20 конгломерациях. И речь идет о сельском населении, чтобы оно не путалось, видимо, под ногами, и поэтому речи не идет о поддержке малых форм хозяйствования. Тут представитель Союза свиноводов сказал, что это общемировая тенденция. Это действительно так. Концентрация, но действительно нельзя сказать, что так не должно быть, но и игра не должна быть в одни ворота. Пока она идет в одни ворота – это банки, крупные формирования и так далее, о чем Александр Васильевич тоже говорил. Прежде всего, помощь и государственная поддержка идет для них.

Теперь по поводу совершенствования госуправления, как главного условия развития села. Оценка состояния сельских территорий очень плачевная, и с точки зрения социальных сфер особенно, и с точки зрения развития АПК тоже нельзя сказать, что там все хорошо. Быстрозрелые отрасли быстро выросли, потому что туда пришел крупный капитал, государство очень сильно помогало. Во всем остальном, особенно в социальной сфере, ситуация крайне тяжелая.

Есть такой прогноз – я боюсь, что он сбывается – наших воронежских коллег: дореформенный уровень производства на селе будет восстановлен через 32 или 43 года, а остальные-то будут двигаться вперед. У нас до сих пор чуть больше 90 % от уровня в сопоставимых ценах от дореформенного уровня. Но у нас есть соседи, которые очень быстро растут – Китай около шести раз уже увеличил производство только зерна.

Теперь по поводу финансового состояния. Средняя задолженность среднестатистической сельхозорганизации в России почти 2 миллиона долларов. Вот вам еще, пожалуйста, главный показатель рыночный. Все проблемы населения застарелые, и это означает, что они не решаются и накапливаются. О чем это говорит? Плюс еще снижение доступа к важным услугам: образование, медицина, отдых и оголение сельских территорий, в том числе приграничных, что несет огромные риски для страны.

Поэтому речь идет о том, что ситуация там крайне тяжелая. Несмотря на то, что потенциал села у нас огромный, сам уровень очень низкий, а при низком уровне, и при наличии потенциала легко дать очень высокий проценты прироста, темпы, но их нет.

Теперь о причинах кризиса на селе. В системе управления есть такое фундаментальное положение: состояние экономики всегда, абсолютно всегда определяется качеством государственного управления. Ничего не надо искать, если что-то не ладится, надо смотреть, где сбой дает государственное управление. Тут не люди виноваты, не население, которое считается у нас ленивым – все это ерунда. Китайцы остались те же самые, как были при Мао Цзэдуэ, изменилось только руководство, пришел Си Цзиньпин и на этом все: больше никаких изменений нет, результаты мы все видим. Результат такой, что нужно менять систему управления, учитывая проблемы, учитывая тенденции ухудшения ситуации. Речь идет о том, что ее надо менять кардинально, потому что если просто сказать, что она не эффективна, вы знаете, если откровенно говорить, это значит ничего не сказать. Она крайне не эффективна.

30 марта, зал А-619, конференция «Аграрный сектор России: стратегия развития»

Теперь основные недостатки госуправления. Прежде всего, это недооценка роли человеческого фактора в экономике и недостаточная инновационная ориентированность. Фактически в этом деле наблюдается застой. В управлении существуют принципы формирования системы управления.

[00:35:01]

Они, к сожалению, если анализировать, практически не соблюдаются. Естественно, отсюда есть результат. С нашей точки зрения, еще нужно менять систему отношений власть-наука и власть-индивидуум. Здесь у нас огромное количество проблем. И государство должно оперировать понятием «суммарная выгода». У нас что говорят? Холдинги эффективнее, значит, нужно развивать это интегрированное формирование. Уважаемые коллеги, а социальная сфера? Если все это сложить, то, наоборот, если государство будет думать или оперировать понятиями «выгода экономическая», это же не бизнес-структура, а государство, и тут совсем другое должно быть. С нашей точки зрения, для развития управления нужно прежде всего развивать местное самоуправление на селе, и создавать условия для развития малого предпринимательства. Только тогда мы создадим механизмы реализации потенциала нации, потенциал территории, природно-климатические, географические и людской потенциал – это самое главное. В противном случае мы будем иметь то, что имеем и даже еще хуже. Спасибо за внимание.

Игорь Абакумов: Алексей Валерьянович Голубев, Тимирязевская сельхозакадемия.

Алексей Голубев: Уважаемые коллеги, я остановлюсь на тех тенденциях, которые, может быть, были менее заметны. Из очевидных – это рост производства продукции, который имел отличительные особенности. Во-первых, он был произведен за счет исключительно факторов интенсификации, а не расширения площадей. Во-вторых, он произошел на фоне замедления роста российской экономики. И характерно то, что цены сельхозпроизводителей за последние девять лет гораздо ниже, чем у промышленников, или уступают явно общему росту цен.

Все-таки надо признать, что толчок для развития сельского хозяйства дал инновационный национальный приоритетный проект, и даже на не столько выделенные средства, сколько найдены эффективные механизмы господдержки. Здесь налицо эволюция в применении инструментов господдержки, которую начинал еще академик Хлыстун. Они сейчас без конца меняются и это вселяет определенную надежду. Происходит структурный сдвиг в производстве сельскохозяйственной продукции в пользу крупных формирований, и это следствие как раз привлечения за счет этих механизмов крупного капитала. В то же время есть ряд диспропорций. Например, неравномерный рост отраслей сельского хозяйства. Выигрывают отрасли, демонстрирующие максимальный рост с коротким технологическим циклом – свиноводы, птицеводы; с длинным проигрывают – говядина, производство молока и так далее.

[00:38:52] (Конец записи)